

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

Читайте новую книгу Виктории Платовой:

Что скрывают красные маки

А также другие книги в серии:

Такси для ангела

Хрустальная ловушка

Смерть на кончике хвоста

Ритуал последней брачной ночи

Победный ветер, ясный день

Битвы божьих коровок

Корабль призраков

Купель дьявола

Куколка для монстра

В тихом омуте

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**В тихом
омуте**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 В тихом омуте / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 672 с.

ISBN 978-5-04-089629-5

Могла ли подумать незаметная, тихая выпускница ВГИКа, которую даже друзья звали Мышью, что ее порносценарии, написанные ради «куска хлеба», вдруг обретут кошмарную реальность? Все в ее жизни становится с ног на голову — один за другим гибнут близкие ей люди, Мышь вынуждена скрываться. Но кольцо вокруг нее медленно, но верно сжимается. Выход только один — исчезнуть, залечь на дно и измениться. И вот sereneккая Мышь «умирает», а вместо нее рождается восхитительная, пленительная, сводящая с ума всех Ева. Рождается, чтобы мстить... Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с существующими людьми случайно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Виктория Платова, текст, 2017**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089629-5

Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с существующими людьми случайно.

Автор

Часть I

...Первым погиб Иван.

Первым из нас троих.

Это была безобидная, легкая, мальчишеская смерть на пятом курсе ВГИКа, перед госэкзаменом по сценарному мастерству.

Пьяный Иван вывалился из общежитского окна на шестнадцатом этаже, забубенный сценарист, грузин на свою лучшую четверть, ленивый красавчик, единственный, кто любил меня...

Нет, мы никогда не спали вместе, но все пять лет были соавторами.

«Ты моя лучшая половина, — говорил Иван, роскошный, всегда чужой любовник, переспавший с каждой второй мало-мальски приличной самочкой во ВГИКе. — Ты моя лучшая половина, Мышь. Твое циничное тельце и мой циничный умишко составляют совершенный самодостаточный организм...»

Он всегда называл меня Мышью, и я сильно подозревала, что это — производная от «серой мыши». Мое настоящее лицо, как же иначе. Но, находясь под защитой Ивана, я могла не беспокоиться о красоте приговоренных к пишущей машинке и потому вечно стриженных

ногтей; я могла не беспокоиться о своей дальнейшей судьбе — мне оставалось только интерпретировать его удивительные истории.

Байки, сюжеты и сюжеттики просто распирали Ивана — он был всего лишь на пять лет старше меня, но, казалось, прожил несколько жизней; это только со мной, унылой пай-девочкой, ничего такого не случалось, даже банального перелома ноги.

В фантазиях Ивана его родной пыльный Мариуполь представлял Чикаго тридцатых годов: там пили водку, курили анашу и кололись, там привозили какую-то диковинную контрабанду, там стреляли в ментов и друг друга, там были стертые в кровь от поцелуев губы, там были двойные и тройные самоубийства и обязательное колесо обозрения в песках на берегу умирающего моря. «А, главное, кетчупа побольше, — говорил Иван о кровавых финалах, — а для полного кайфу заезжего пидора-интеллекта, профессора-орнитолога замочим».

Он правил мои рукописи (к пятому курсу он перестал делать это, к пятому я была почти он), дописывая шариковой ручкой им же изобретенные маты, невозможно смешные, вызывавшие почти судорожную зависть курса.

Его бабы меня ненавидели. У меня, Серой Мыши, было исключительное право стирать его джинсы. «Ли Купер» на болтах.

Все остальные меня не замечали. Я была всего лишь второй строкой во всех его умопомрачительных сценариях. Но я ни о чем не жалела. Я не пожалела ни о чем ни на секунду.

Я смотрела на мир его глазами — вернее, мужскими глазами на мужской мир. Я знала, какие сигареты лучше курить и какие зажигалки лучше покупать, я знала, как оттягивать кожицу на члене, когда занимаешься она-низмом, — поступательно-возвратными движениями; я знала, как уложить в постель любую женщину — мой взгляд на секс был сугубо мужским взглядом, циничным и зависимым от удовольствий одновременно.

...В конце третьего курса Иван приволок Нимотси.

Вообще-то Нимотси звали Игорь Истомин. «Нимотси» окрестил его Иван — Истомин наоборот. Но кличка удивительно шла Нимотси, тщедушному бело-брысому типу с глазами больной птицы.

— Гений режиссуры, — отрекомендовал его Иван, — будет наш сценарий снимать, «Умереть молодым» который.

...Умереть молодым.

У Ивана получилось. Он сильно удивился бы этой своей нелепой смерти — выпасть из окна, на котором устроился покурить, ха-ха, — если бы был трезв. Но он не был трезв, и сердце его остановилось между шестым и пятым этажами.

— Предал нас, сукин сын, — сказал Нимотси. И уехал в морг вместе с голым мертвым телом Ивана, небрежно брошенным на носилки.

Нимотси вернулся через два часа и нашел меня там, где и должен был найти. Но я этого уже не помнила. Я не помнила, как с ведром и тряпкой ползала по асфальту и смывала потемневшую кровь Ивана — чтобы собаки ее не вылизали. «Ты понимаешь?.. Если так все оставить, то

придут дворняги и вылизут всю его кровь... Его кровь, понимаешь? Его...»

Нимотси надавал мне по щекам, чтобы привести в чувство, — вполне по-мужски. Иван никогда не бил меня.

— Поедем, — мягко сказал Нимотси, — Он ждет.

— Никто. Никто не ждет.

— Он. Иван.

Сердце мое остановилось, в груди стало так невыносимо больно, что захотелось разом избавиться от этой боли. Я ударилась головой о плиты, которые еще помнили кровь Ивана.

Нимотси поднял меня и крепко сжал.

— Прощальная ночь... Прощальная ночь, слышишь? Ты, я и он. И больше никого. Он ждет...

...Никогда до этого я не была в морге — может быть, поэтому не испугалась: ни небрежной, полустертой таблички на металлических дверях, ни стен, выкрашенных грубой охрой, ни тусклых аварийных лампочек в сетках.

Я не испугалась, просто у меня не было сил, я присела на корточки у самой двери, хотя в двух шагах стояли три спаренных деревянных стула — как в дешевеньком кинотеатре.

— Я сейчас, — сказал Нимотси, уверенно двинулся по коридору и уверенно толкнул одну из дверей — третью от входа. Спустя минуту он появился с маленьким лысым человеком в грязном халате. Вдвоем они пошли в глубь коридора — долго, очень долго, — который раз за сегодняшнюю ночь я попыталась спрятаться за закрытыми веками.

Сейчас мне это удалось, бедной сиротке.

Я слышала скрежет открываемой двери — зашли и вышли, — невнятные голоса; скрип колес каталки, режущий по сердцу звук проворачиваемого в замке ключа.

— Спасибо, отец, — голос Нимотси звучал теперь явственнее, — спасибо, что понял... Дай бог тебе...

Мимо проплыл тяжелый формалиновый запах — маленький лысый человек коснулся моего лица полкой грязного халата. И вышел — с тремя бутылками водки.

Нимотси не было.

Я боялась выйти и боялась остаться. Я даже не могла понять, сколько времени в действительности прошло.

Наконец Нимотси появился — выскользнул из какой-то двери, как раз между двумя ударами моего нехотя бьющегося сердца.

Он осторожно поднял меня, на секунду задержав в руках.

— Пойдем...

...Это была маленькая комнатка, видимо служащая подсобкой. Окно, густо замазанное белой краской, такие же, как в коридоре, спаренные стулья, металлический шкаф, еще один — стеклянный; медицинская посуда на обшарпанном столе, вешалка с несколькими халатами, обтянутая дерматином кушетка.

На полу было разложено тонкое одеяло.

Черный хлеб, водка и огромные венгерские яблоки. Граненые стаканы.

На полу, прислоненный к кушетке, сидел Иван.

Нимотси крепко держал меня — он боялся, что я потеряю сознание.

Я не потеряла. Я стояла и смотрела на мертвого Ивана. Он был в своем лучшем костюме, который я гладила тысячу раз. И босой. Голые твердые Ивановы пятки лезли мне в глаза. На большом пальце ноги болтался матерчатый номерок.

— Я думала, у него лицо разбилось. — Только на правой щеке у Ивана была содрана кожа — почти так же, как на моей коленке в детстве, когда я свалилась с почти взрослого серьезного велосипеда «Орленок».

— Затылок стесало, — шепотом пояснил Нимотси, — непонятно почему... А лицо вот почти не задело.

Трудным был только первый шаг. А потом я пересекла комнату и опустилась на колени перед мертвым Иваном. Коснулась рукой его содранной щеки.

— Мне нужно много сказать тебе... Ты и сам виноват, никогда не давал мне даже рта открыть... — Я взяла Ивана за руку — мягкую и неожиданно податливую.

— Осторожно, — предупредил Нимотси. — Кости-то ему все раздробило...

— Выйди, — попросила я Нимотси.

— Нет.

— Ну и черт с тобой... — Я снова обратилась к Ивану: — А у тебя седой волос, я вижу... Паршиво быть брюнетом... Я тебя люблю, что скажешь?.. Мы теперь равны, мы теперь очень похожи, ты не находишь?

Нимотси плеснул водку в стаканы: два были наполнены до краев, один лишь на четверть.

Наполненный на четверть он вставил в руку Ивану:

— Извини, старик, много не наливаю, ты сегодня уже достаточно выпил. Держи, Мышь!

Он протянул мне один стакан, а сам взял другой.

— Знаешь, что сказал бы сейчас этот сукин сын? Одну простую вещь: «Поставьте-ка мне любимую вещь мою... Рея Чарльза, «Скатертью дорога, Джо»... И — хули тянуть, когда водка налита. Выдохнется!..

Я проглотила водку, не чувствуя ее вкуса.

— Лихо! — Нимотси отобрал у меня пустой стакан и одобрительно похлопал по плечу. — Ему бы понравилось. Закуси!..

Он протянул мне яблоко, но я только замотала головой; кураж, вот чего мне всегда не хватало. Ему бы действительно понравилось.

— А теперь мы... — Нимотси никогда не пил водку — он вырос в Средней Азии и спокойно существовал по принципу: «Лучшая водка — это анаша». Но сейчас было другое дело, и стакан Нимотси стукнулся со стаканом Ивана: — За тебя, скотина, хотя ты этого и не заслуживаешь!

Он осилил только половину, закашлялся и выплеснул оставшуюся жидкость через плечо.

— Продукт переводишь, — сказала я с надменными интонациями Ивана в голосе, — ему бы не понравилось.

— Поучи жену щи варить, — огрызнулся Нимотси и хрустнул яблоком, — тоже мне...

Сквозь верхнюю, незакрашенную часть окна проникал безразличный свет от уличного фонаря; наверное, сейчас мы были как никогда похожи друг на друга — все трое; все живые и все мертвые.

— Ну что, — искушала я Нимотси, — между первой и второй перерывчик небольшой? Давай, обслужи нас...

Быстро хмелеющий Нимотси снова разлил водку — полные стаканы — и добавил чуть-чуть в стакан Ивана.

— Обновим... Кстати, родился спонтанный тост.

— Давай спонтанный! — Я не успела испугаться того, что мне стало весело; смазанная ссадина на щеке Ивана смазалась еще больше.

Нимотси поднялся на неверных ногах, сделал несколько шагов к Ивану — венгерские яблоки, задетые носком его ботинка, разлетелись как бильярдные шары — и плюхнулся рядом с ним, обнял рукой безжизненные плечи Ивана.

Мне тоже вдруг до смерти захотелось коснуться мертвой плоти Ивана, я на секунду возненавидела Нимотси за то, что ему первому пришла в голову эта мысль — сесть и обнять... Я всегда, всегда была второй...

Нимотси выпил водку полностью — во второй раз ему это удалось.

— Никогда тебя не прощу, никогда, — голос его раскачивался, ударялся о стенки моей бедной головы, — ты поступил как скот. Сдался, свалил, бросил все к ядреной фене... Говно ты, а не мужик... Думаешь, хлопнул дверью и выиграл?! Такой ты крутой и офигительный?.. Все наши планы псу под хвост только потому, что в твою дурную башку пришла оригинальная мысль сдохнуть... Ну и хер с тобой!..

— Заткнись! — глухо сказала я. — Он ничем тебе не был обязан!

— О! Это еще кто говорит? — Нимотси переключился на меня: — Пустое место, жалкая копия, писаришка при

мелком мариупольском царьке... Да ты никто! Ты только посмотри на себя, кого ты можешь интересовать сама по себе? Пристроилась к подонку — он тобой как хотел вертел... Мозгов только и хватало, чтобы носки его вонючие стирать...

— Это у тебя вонючие носки! Ты сам без него был ноль... Сидел в жопе и будешь сидеть! Ни хрена не делал, думал, что он на твою режиссуру сраную горбатиться будет до скончания веков... Деньги выбивать для твоих фильмов... Я его любила, мне ничего не было нужно...

— Врешь!

— Ничего не было нужно... А ты его использовать хотел... Ты, как вампир, из него идеи сосал...

— Ты бы тоже рада была сосать... сама знаешь... Только не вышло у тебя ничего...

— Посмотрим, как ты теперь один справишься...

— Посмотрим, посмотрим... На тебя тоже посмотрим!..

Я плеснула свою невыпитую водку в лицо Нимотси. Она попала в Ивана — здорово же мы надрались за полчаса... Капли скатывались по лицу Ивана — одна за другой, от глаз к подбородку, — и он ничего не мог поделать с ними. С ними и с нами, бред какой-то... Я должна была защитить его, я всегда хотела это сделать, но Иван ни разу не дал мне повода защитить. Защитить его — разве это не главное?..

На коленях я подползла к нему совсем рядом; и в ту же секунду поняла, что прежнего Ивана нет, все запахи его исчезли. Запахи, которые я так любила, — кожи, во-